

Т.С. Короткова, Н.М. Щедрина

**СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
АВТОРА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ И ГЕРОЯ
В ПОВЕСТИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»**

В статье рассматриваются способы взаимодействия автора-повествователя и героя в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус». Анализируется повествовательный принцип произведения, обусловленный выбором форм выражения мнения писателя и основных компонентов его отношения к изображаемому. Исследуются авторские вхождения в текст, проводится параллель между повестью и публицистическими работами А.И. Солженицына. Подводятся итоги относительно способов взаимодействия автора-повествователя и персонажей, заключающиеся в определении их функций в художественном произведении.

автор, взаимодействие, персонаж, повествовательный принцип «под героя», «вживание» повествователя в сознание героя, авторское «я».

Повесть «Раковый корпус» написана А.И. Солженицыным в связи с его пребыванием, лечением в онкологической больнице города Ташкента. Тема борьбы жизни и смерти – основная в произведении. Писателю, перенесшему страшную болезнь, было важным раскрыть душевное состояние пациента, попавшего в тиски раковой опухоли. Он считал, что, находясь на грани жизни и смерти, человек переосмысливает свое существование, духовно исцеляется, понимает и принимает свое истинное предназначение, либо ограждает себя от самой мысли о смерти, которая вызывает у него животный страх, и остается на прежнем уровне развития. О конце жизни размышляют все герои повести, в том числе и автор-повествователь. И важно проследить, как при этом происходит взаимодействие автора-повествователя и героев. Рассмотрению этой взаимосвязи и посвящена статья.

В литературоведении проблема автора не нова, она по сей день не теряет своей актуальности. Существенный вклад в ее разработку внесли выдающиеся филологи М.М. Бахтин¹, Б.О. Корман² и др. Современные исследователи творчества А.И. Солженицына: Ж. Нива, А.В. Урманов, Н.М. Щедрина – тоже рассматривали в своих работах отношения между автором и персонажем, но специально повести «Раковый корпус» внимание не уделяли.

В «Раковом корпусе», как и в других произведениях, Солженицын либо растворяется в каждом из героев, либо отступает на второй план. В таком подходе заключается особенность манеры писателя. В статье «Река, впадающая в пески», напечатанной в «Солженицынских тетрадах», Л.А. Колобаева пишет: «Повествование о персонаже строится по принципу “под героя” (разработанному в русской литературе XX века еще Чеховым и унаследованному затем целым рядом художников) – когда авторский текст, описывающий жизнь героя, окрашивается его восприятием, его индивидуальной точкой зрения, характерными для него словечками и выражениями, интонацией, которые подаются чаще всего в форме несобственно-прямой речи»³. Присутствие повествователя в сознании героя

1 Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.

2 Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1972. С. 133.

3 Колобаева Л.А. «Река, впадающая в пески?»: художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус») // Солженицынские тетради : материалы и исслед. : [альм.]. М. : Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 155.

Н.М. Щедрина именует процессом «вживания», которое может происходить «за счет сближения и взаимодействия сознания повествователя и сознания героя»⁴.

Такой прием в повести «Раковый корпус» используется автором в эпизоде второй главы «Образование ума не прибавляет». Поселившись в палате, партийный работник Русанов в первый же вечер повздорил с Олегом Костоглотовым, главным героем повести.

«– Молодой человек! Потушите-ка свет! – распорядился Павел Николаевич. <...>

– Что значит – “потушите”? – зарычал сзади Русанова Оглоед. – Укоротитесь, вы тут не один. <...>

– А вы *повежливей* можете разговаривать? (курсив автора)

Грубиян скорчил кривоватую рожу и ответил низким голосом:

– Не оттягивайте, я не у вас в аппарате. <...>

– Хорошо, а зачем нужен свет? – вступил Русанов в мирные переговоры.

– В заднем проходе ковырять, – сгрубил Костоглотов.

Павлу Николаевичу стало трудно дышать, хотя, кажется, уж он обдышался в палате. *Этого нахала надо было в двадцать минут выписать из больницы и отправить на работу!»*⁵ (курсив наш. – Т. К., Н. Щ.) Выделенная фраза принадлежит повествователю, но передает мысли Русанова, выражающие негодование по отношению к грубому тону Костоглотова.

Другой пример. В повести есть эпизод, когда Русанов, поступив в больницу, ждал встречи с медсестрой и хотел присесть на скамью, где уже сидела «женщина с сальным мешком», от которого распространялся запах. Павлу Николаевичу нужно было попросить ее подвинуться, но он не хотел этого делать. Солженицын приводит фразу, мысленно произнесенную Русановым, выражающую неприязнь партработника к простому человеку: «И когда только научится наше население ездить с чистыми аккуратными чемоданами!» (С. 11). Высказывание героя служит характеристикой позиции человека, который ставит себя выше других.

«Взаимодействие сознания автора-повествователя и сознания героя часто происходит при “переходе” голоса повествователя во внутренний монолог персонажа, иногда адресованного кому-либо, а иногда и произнесенного наедине с собой»⁶, – выделяет еще один способ «вживания» Н.М. Щедрина. В главе «Рак березы» Олег Костоглотов рассказывает больным о старике Масленникове, который готовит чай, помогающий при опухолях.

В этом отрывке слышится повествователь, комментирующий ситуацию: «Костоглотов ответил Русанову, ответил Ахмаджану, а безголосому не ответил – не дал ему адреса...» (С. 129). Далее следует внутренний монолог Костоглотова, слившийся с переживаниями за него автора: «Почему же он, столько лет лишенный всяких прав, должен был учить этих свободных людей изворачиваться под навалившейся глыбой? Там, где складывался его характер, закон был: нашел – не сказывай, облупишь – не показывай» (Там же).

Пример, содержащий в себе «вживание» (термин Н.М. Щедриной) сознания автора в сознание героя, переданное через внутренний монолог, есть в главе «Последний день творения», когда Олег Костоглотов в день выписки, прогуливаясь по городу, заходит в универмаг. Рассматривая в магазине рубашки, он слышит вопрос мужчины, адресованный продавщицам: какой размер воротничка ему нужен. Услышанный разговор «передернул» и взбесил Костоглотова. Он, «дико обернувшись», увидел перед собой ухоженного мужчину; негодование, злость достигли предела: «...так посмотрел, как если б тот его в ухо ударил и сейчас не миновать было кому-то лететь с лестницы» (С. 417). В этом эпизоде автор-повествователь как будто оказывается рядом с персонажем и активно

4 Щедрина Н.М. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М. : Пам. ист. мысли, 2010. С. 147.

5 Солженицын А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Время, 2012. Т. 3 : Раковый корпус. С. 25. В дальнейшем страницы из текста «Раковый корпус» указываются в скобках.

6 Щедрина Н.М. «Красное Колесо» А. Солженицына ... С. 147.

заявляет о своей позиции: «Как?? Люди кисли в траншеях, людей сваливали в братские могилы, в мелкие ямки в полярной мерзлоте, людей брали по первому, по второму, по третьему разу в лагерь, люди коченели в этапах-краснушках, люди с киркой надрывались, зарабатывая на латаную телогрейку, а *этот чистоплюй* не только помнит номер своей рубашки, но и номер своего воротничка?!» (С. 418; курсив наш. – Т. К., Н. Щ.). В данном тексте голос автора-повествователя и внутренние переживания Костоглотова слиты. О судьбах людей и лагерной жизни они думают одинаково.

В главе «Воспоминание о прекрасном» повествователь рассказывает о чете Кадминых, единственных близких друзьях Костоглотова. Они незаслуженно отбывали срок

и в лагерях, и в вечной ссылке. Но спустя прожитые годы Кадмины не клянут судьбу за несправедливость, вспоминают не тяжести и боли, а енисейский пейзаж. Такое отношение к перипетиям судьбы подтверждает позитивное восприятие любых жизненных ситуаций этими людьми. «...Совсем не уровень благополучия делает счастье людей, а – отношения сердец и *наша* точка зрения на *нашу* жизнь. И то и другое – всегда в *нашей* власти, а значит, человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто не может ему помешать» (С. 232; курсив наш. – Т. К., Н. Щ.), – делает вывод автор. В этой же главе только несколько позже автор-повествователь рассуждает о человеческих отношениях: «Любовь к животным мы теперь не ставим в людях ни в грош, а над привязанностью к кошкам даже непременно смеемся. Но разлюбив сперва животных – не неизбежно ли мы потом разлюбливаем и людей?» (С. 249). Высказанная мысль связана с предыдущей.

Чувства, пережитые Солженицыным в лагерный период, переданы в повести главным образом через Олега Костоглотова. Но иногда голос автора прорывается сквозь мысли героя, довлеет над ситуацией и передается от имени «я»: «За эту осень *я на себе узнал, что человек может переступить черту смерти*, еще когда тело его не умерло. Еще что-то там в тебе кровообращается или пищеварится – а ты уже, психологически, прошел всю подготовку к смерти. *И пережил саму смерть...*» (С. 32–33; курсив наш. – Т. К., Н. Щ.). Эта «пороговая ситуация» знакома писателю, поэтому он решает высказаться от своего имени, передав, как он считает, и чувства Костоглотова.

В главе «Идолы рынка» важное значение для раскрытия темы судьбы родины и русского народа имеет эпизод встречи Костоглотова и Шулубина. Образ Алексея Шулубина, одного из лечащихся в раковом диспансере, тоже был необходим для выражения взглядов писателя, например на модель общества и страны: «Явить миру такое общество, в котором все отношения, основания и законы будут вытекать из нравственности – и только из нее!» (С. 370). Идея нравственности, раскрытая в «Раковом корпусе», найдет отражение и в публицистике А.И. Солженицына. Например, главным принципом обустройства страны писатель считал нравственность, о которой он говорил и в главе «Идолы рынка», и в статьях и эссе «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (1973), «Жить не по лжи!» (1974), «Как нам обустроить Россию?» (1990). В этих работах А.И. Солженицын рассматривает нравственность с точки зрения раскаяния, самоограничения, правды: «Только при самоограничении сможет дальше существовать все умножающееся и уплотняющееся человечество. <...> Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других»⁷; «Государственное устройство – второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. <...> Если в самих людях нет справедливости и честности – то это проявится при любом строе»⁸.

Для А.И. Солженицына первостепенным являются человеческие отношения, честность, справедливость в каждом из людей. Человеку нужно научиться жить справедливо и нравственно в обществе. Ненависть как основу созидания писатель отрицает: «Так вот что такое нравственный социализм: не к счастью устремить людей, потому что это тоже идол рынка – “счастье”! – а ко взаимному расположению. Счастлив и зверь, грызущий добычу, а

⁷ Солженицын А.И. Публицистика : в 3 т. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1 : Статьи и речи. С. 123.

⁸ Там же. С. 121.

взаимно расположены могут быть только люди! И это – высшее, что доступно людям!» (С. 371).

Писатель видит опасность в том, что люди теряют расположение друг к другу: «Если только заботиться о “счастьи” да о размножении – мы бессмысленно заполним землю и создадим страшное общество...» (С. 372). За высказыванием героя повести Шулубина слышится голос автора о смысле жизни, об обустройстве нашей страны, всего человечества. Бытие заключается не только в земном счастье, но и в более высоком предназначении, которое должен постичь человек.

Рассуждая о стиле Александра Солженицына, японский исследователь Тоёфуса Киносита говорит, что в произведениях писателя никогда не бывает образа всеведущего автора (как у Льва Толстого). Даже с наружностью и биографией действующих лиц читатель знакомится или через взгляд и со слов других героев, или через рассказ самого персонажа о себе при разворачивании сюжета⁹.

Автор-повествователь в повести проявляет себя посредством так называемых прямых вхождений в текст, которые представляют собой философские размышления и выводы, принадлежащие не героям, а самому писателю. В них голос автора слышится отчетливее: «Как ни смеялись бы мы над чудесами, пока сильны, здоровы и благоденствуем, но, если жизнь так закинится, так сплющится, что только чудо может нас спасти, мы в это единственное, исключительное чудо – верим!» (С. 131). Фраза содержит авторский вывод о смысле жизни, о вере в чудо, когда больше ничего не остается кроме веры.

Как видно из приведенных примеров повести «Раковый корпус», взаимодействие автора-повествователя и персонажей осуществляется несколькими путями: присутствием повествователя в сознании героев, передачей мыслей и чувств через авторское «я», прямыми авторскими вхождениями в текст. Используемые приемы позволяют создать целостный образ автора, выявить отношение писателя к поставленным проблемам, героям и событиям, изображенным в произведении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колобаева, Л.А. «Река, впадающая в пески?»: художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус») [Текст] // Солженицынские тетради : материалы и исслед. : [альм.]. – М. : Русский путь, 2012. – Вып. 1. – С. 147–166.
2. Солженицын, А.И. Публицистика [Текст] : в 3 т. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. – Т. 1 : Статьи и речи. – 720 с.
3. Солженицын, А.И. Собрание сочинений [Текст] : в 30 т. – М. : Время, 2012. – Т. 3 : Раковый корпус. – 552 с.
4. Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008 [Текст] : сб. ст. – М. : Русский путь, 2010. – 720 с.
5. Тоёфуса Киносита. Повествовательный стиль А.И. Солженицына и поэтика Достоевского [Текст] // Путь Солженицына в контексте Большого Времени : сб. памяти: 1918–2008. – М. : Русский путь, 2009. – С. 121–130.
6. Урманов, А.В. Творчество Александра Солженицына [Текст] : учеб. пособие. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
7. Щедрина, Н.М. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века [Текст]. – М. : Пам. ист. мысли, 2010. – 336 с.

REFERENCES

1. Kolobaeva, L.A. “Reka, vpadayushchaya v peski?”: hudozhestvennye prognozy Aleksandra Solzhenicyna (“Rakovyy korpus”) [Text] // Solzhenicynskie tetradi : materialy i issled. : [al'm.]. – M. : Russkiy put', 2012. – Vyp. 1. – S. 147–166.
2. Solzhenicyn, A.I. Publitsistika [Text] : v 3 t.– Yaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1995. – T. 1 : Stat'i i rechi. – 720 s.

⁹ Тоёфуса Киносита. Повествовательный стиль А.И. Солженицына и поэтика Достоевского // Путь Солженицына в контексте Большого Времени : сб. памяти: 1918–2008. М. : Русский путь, 2009. С. 126.

3. Solzhenitsyn, A.I. Sobranie sochineniy [Text] : v 30 t. – M. : Vremya, 2012. – T. 3 : Rakovyy korpus. – 552 s.
4. Solzhenitsyn: myslitel', istorik, hudozhnik. Zapadnaya kritika, 1974–2008 [Text] : sb. st. – M. : Russkiy put', 2010. – 720 s.
5. Toyofusa Kinosita. Povestvovatel'nyy stil' A.I. Solzhenitsyna i poetika Dostoevskogo [Text] // Put' Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni : sb. pamyati: 1918–2008. – M. : Russkiy put', 2009. – S. 121–130.
6. Urmanov, A.V. Tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna [Text] : ucheb. posobie. – 3-e izd. – M. : Flinta : Nauka, 2009. – 384 s.
7. Shchedrina, N.M. “Krasnoe Koleso” A. Solzhenitsyna i russkaya istoricheskaya proza vtoroy poloviny XX veka [Text]. – M. : Pam. ist. mysli, 2010. – 336 s.

T.S. Korotkova, N.M. Shchedrina

CHARACTER-NARRATOR INTERACTION IN A.I. SOLZHENITSYN'S “CANCER WARD”

The paper analyzes the means of character-narrator interaction in A.I. Solzhenitsyn's “Cancer Ward”. A special emphasis is laid on the narrative principle of the work, which is predetermined by A.I. Solzhenitsyn's choice of literary means of expression. The author analyzes the novel to find different ways through which character-narrator interaction is manifested (the narrator is present in the character's mind, the narrator reflects the author's ideas, etc.). The analysis focuses on the author's creative personality which is used to express the character's thoughts and ideas. The author's ideas expressed in the “Cancer Ward” are related to A.I. Solzhenitsyn's ideas expressed in publicistic articles. The article draws conclusions about the interaction of the narrator and characters and the role they play in a literary work.

Author, interaction, character, character imitation narrative principle, penetrating the character's mind, the author's selfness.